

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Спасибо, старичок!

Все начиналось феерически. В 1942 году на экраны выходит фильм двух лириков советского кино — режиссера Юлия Райзмана и сценариста Евгения Габриловича — «Машенька». Главных героев, Машеньку и Алексея, сыграли Валентина Караваева и Михаил Кузнецов.

Караваева—Машенька — это радостная улыбка и лучезарно горящие глаза, от которых черно-белый экран начинает солнечно светиться. Фильм получился нежным, красивым, похожим на сказку. Простые люди, большая любовь, война, которая вырвала их из объятий друг друга, и вера, что они обязательно встретятся вновь. Звенящий голос Караваевой, нетерпеливый, стремительный облик и пронзительная искренность ее героини и в наши дни не оставляют равнодушными. А тогда в нее влюбилась не только страна, но и высшее руководство. В 1943 году она получает Сталинскую премию.

Об этом подарке судьбы Валентина узнает в эвакуации, в Алма-Ате, где живет в маленьком номере гостиницы вместе с Лидией Смирновой. В своих мемуарах Смирнова, по-женски наблюдательно и по-актерски остро, расскажет, каким странным персонажем была в реальной жизни Караваева. Ее экзальтированность, чрезмерность, постоянная игра в театр кажутся почти болезнью. Валентина учит английский язык, изучает анатомию, читает стихи, импровизирует, сочиняет забавные истории и тут же их разыгрывает, репетирует Ларису в «Бесприданнице». А еще легко сходится с молодыми офицерами Красной Армии. Мужчины для нее так же притягательны, как и театр.

Когда к Караваевой приходят сказать о сталинской награде, она падает перед вестником удачи на колени и целует его ботинки. Вновь пришедшему с этой новостью Валентина говорит, что ничего не знает, и разыгрывает весь спектакль заново. А потом выходит на балкон, смотрит в небо и шепчет:

- Спасибо, старичок мой бородастый!
- Это ты Бога благодаришь? — спрашивают ее.
- Нет, Калинина.

Английская любовь

Ей двадцать два года, и впереди вся жизнь. Райзман приглашает Караваеву сниматься в свой следующий фильм — «Небо Москвы». Но здесь происходит страшное. По дороге на съемки Караваева попадает в автокатастрофу. Ей разорвало губу, все лицо обезображено шрамами. Начинается битва за лицо. Но пластическая операция не помогает, о кино приходится забыть, и она пытается найти себя в театре. У Завадского в театре им. Моссовета она сыграла Нину Заречную в «Чайке». Караваевой негде жить, поскольку все, что у нее было, — это место в общежитии, когда она училась во ВГИКе. Из близких родственников нищие сестра и мать в Вышнем Волочке. Как лауреату Сталинской премии Караваевой разрешают поселиться в гостинице «Москва».

И тут происходит нечто фантастическое, но, впрочем, и вся ее жизнь была сплошной фантастикой. В лифте она знакомится с английским офицером — то ли дипломатом, то ли шпионом. Лицо Караваевой после операции все в бинтах, и лишь лучистый свет глаз пробивается через белые повязки. Но этого оказалось достаточно, чтобы англичанин безумно влюбился в Валентину. В 1945 году Караваева выходит за него замуж и уезжает с ним в Англию.

По тем временам, когда всякий иностранец — шпион, а каждый советский человек, выезжающий за границу, — обязательно разведчик, все это выглядит несколько странно. Другим отечественным кинозвездам связей с иностранцами не прощали, отправляя их подальше от влюбленных глаз в ГУЛАГ.

И никакого чуда

Но Караваевой повезло. Правда, злые языки утверждают, что с ее стороны любви не было, а уехала Караваева в надежде, что деньги мужа помогут ей вернуть лицо. Она делает новые

Чайка

ПО ИМЕНИ МАШЕНЬКА

пластические операции, но хирургам так и не удалось сшить нерв, отчего ее губа до конца дней останется мертвой и неестественной.

В Англии она ведет себя так же чрезмерно, как и в Союзе. Ее постоянная жажда театра, ее актерская импульсивность, несдержанность начинают раздражать и родственников, и мужа. Поняв, что в стране дождей и туманов она лишняя, Караваева начинает обивать пороги советского посольства, просясь назад на родину. Наконец ей дают разрешение на въезд, но с одним условием, что она напишет книгу о том, как разочаровалась в западном образе жизни. И она начинает писать «Путь к Родине». Сначала в Англии, а потом в гостинице «Москва», где ей, по возвращении в Москву в 1950-м, разрешают ненадолго поселиться. Книгу она так и не дописала, то ли не хватило литературных способностей, а может, в сравнении с житем на любимой родине нелюбимая за граница казалась раем, поэтому и не поднималась рука писать ложь.

Что касается ее быта, то это отдельный сценарий. Здесь все наперекосяк. Караваева уезжает в Вышний Волочек, что-то там пытается сыграть в местном театре, но ее обворовывает родная сестра, и Валентина снова возвращается в столицу. Начинаются хождения по инстанциям и проживание комнаты. Наконец Валентина получает комнатенку в коммуналке, а потом ей удается выбить маленькую «однушку» на проспекте Мира.

На ее могиле нет памятника, лишь покривившийся крест да облезлая табличка с годами рождения-смерти и ничего не говорящей фамилией Чапмен. Но и девичья фамилия, когда-то гремевшая на весь Советский Союз, мало кому сегодня известна...

Что касается творчества, то и здесь сплошные драмы. У нее вздорный, неуживчивый характер, она плохо вписывается в реальную жизнь, живя в своем выдуманном идеальном театре. Для такого театра нужна мощная поддержка мужа-режиссера или поклонника-гэбиста. У нее нет никого, ее поддержка — это одиночество и фантазия. К тому же у Валентины начинается манья преследования. Сначала ее принимают в театр Моссовета, затем она переходит в Пушкинский, а потом, и до конца жизни, числилась в Театре киноактера. И при этом почти никаких ролей. Единственная настоящая работа — это дубляж зарубежных кинофильмов. Кстати, ее голосом говорила в Стране Советов легендарная Грета Гарбо.

Сейчас трудно сказать, какой Караваева была актрисой. По свидетельству современников, она могла играть либо гениально, либо ужасно. Такой на русской сцене была Комиссаржевская. Но те времена давно прошли, советской эпохе нужны были артистки сильные, здоровые, без заграничных мужей и попыток к самоубийству. А этот трагический эпизод тоже был в жизни Валентины.

Правда, в кино ей удалось еще раз блистательно показать себя. В фильме Эраста Гарина «Обыкновенное чудо» она сыграла Эмилию, сыграла пронзительно и трагично. И казалось, увидев ее в этой роли, режиссеры должны были забросать Караваеву предложениями сниматься. Но чуда не произошло.

Я — чайка

Конец ее был таким же трагичным, как и жизнь. Соседи вдруг спохватились, что это у артистки так тихо. Не поет. Не читает стихов. Долго не могли достучаться, взломали дверь... Караваева была мертва. Смерть наступила где-то в конце декабря 1997 года, а нашли ее 3 января уже следующего года.

И, наверное, похоронив Караваеву, все бы о ней забыли, если бы... свою крохотную квартирку на проспекте Мира она не превратила в самодеятельный кинопавильон и не снимала себя на киноплентку. Каждый день, на протяжении тридцати лет. Звук записывала отдельно на магнитофон. Она играла роли, в которых когда-то мечтала выступить на сцене. Анна Каренина, Лариса Огудалова, Кармен, Нина Заречная. Отснятый киноматериал Караваева просматривала на небольшом бумажном экране, а потом начинала снова себя снимать. Об этом кино никто не знал, и оно, наверное, тоже бы умерло вместе с хозяйкой, если бы в этот странный дом не пришел кинорежиссер **Георгий Параджанов**, случайно узнавший о кончине Караваевой. Он собрал весь киноматериал, а это было три тысячи метров, отобрал лучшие эпизоды и на их основе сделал фильм, посвященный Караваевой «Я — чайка!..».

— Ее жизнь очень запутанна. Все даты она меняла, что-то придумывала, и, кажется, грани между реальностью и вымыслом для нее не существовало, — рассказывает Параджанов. — Что касается книги Смирновой, то там много такого, что документально не подтверждено. Например, когда Смирнова говорит, будто в Англии, когда ее бросил муж, Валентине пришлось идти на панель и так зарабатывать себе на жизнь. Правда, и сама Караваева много о себе нафантазировала. Она утверждает, что у нее в Англии остался ребенок. Но после катастрофы, и этому есть медицинские свидетельства, у нее не могло быть детей. Ее муж погиб в 1952 году в Альпах, он на автомашине сорвался с серпантина, об этом тоже мало кто знает.

Она сыграла у Завадского в театре Моссовета Нину Заречную в «Чайке». Премьера прошла 10 мая 1945 года, все праздновали победу, поэтому вряд ли кто-то видел этот спектакль. В отношениях с Завадским тоже что-то было, какая-то интимность, но это все на уровне слухов.

Придя в ее квартиру, я попал в фантастический, пугающий, одинокий мир. Там все было разбросано, перемешано, перепутано. Вещи, рулоны киноплентки, страницы дневников, книги, документы. Откуда-то сверху, из распахнутых шкафов трухлой сыпались шубы, а вокруг них облаком вилась моль. Это было страшно. Потом, когда я уходил, на лестничной площадке обнаружил, что потерял в квартире все свои документы. Вернувшись, я понял, что никогда их не найду в этом месиве, никогда. Но вдруг что-то мне помогло, и я буквально наткнулся на портмоне. Я его поднял, а под ним... но это просто мистика... лежала записка, которую Караваева написала в клинике, где приходила в себя после неудачной попытки самоубийства. У нее было два флакона с ядом, которые ей дал муж на тот случай, если в Союзе Валентине будет грозить концлагерь. В черную минуту своей жизни она этот яд приняла. В фильме я читаю те трагические строки, которые Караваева написала в больнице после клинической смерти.

Она была страшно одинока. Конечно, художник всегда одинок, как и каждый на этой земле. Но писатель может писать в стол, живописец создавать свои полотна для будущих поколений, кинорежиссер снимать фильмы, которые увидят не очень скоро. Но я не знаю такого случая, чтобы актриса играла для будущих зрителей. Профессия артиста и будущее — понятия несовместимые, это мистика. Артист творит сегодня, для тех, кто сейчас сидит в зрительном зале. Караваева — исключение.

— И все же театра без зрителя не бывает, то, что вы говорите, это скорее болезнь.

— Да здесь много от болезни. Хотя искусство — это тоже болезнь. К тому же на нервную актерскую индивидуальность Караваевой судьба наложила страшный узор. Легко было во время монтажа «вылепить» образ душевнобольной женщины. Очень легко, чуть-чуть, и клиника. Но я в этой черно-белой, поцарапанной, бракованной пленке увидел актрису. Гениальную. Пленка сохранила ее мятующийся, трагический облик, голос, который вонзается в самое сердце.

...А еще улыбку, не ту лучезарную, как в «Машеньке», а печальную, отрешенную. И руки, что плетут нервный, стремительный узор, то взлетая над головой, как крылья птицы, то в смертельной тоске сжимая горло. И глаза, в которых и боль, и мука, и радость.

Владимир КОТЫХОВ

Автор благодарит за помощь в подготовке материала кинокомпанию «United Multimedia Projects» (Россия).